

* * *

Синий – не только цвет, это долгая сущность неба,
из синего скроен мир, синим болеет небыль,
Синее есть везде, и даже за линией фронта,
синее – память глаз, синее – до горизонта.

Синее есть в крови и в каждой клеточке кожи,
оно в каждом кадре кино, да и в сценарии тоже.
Синее навсегда, синее пахнет полем,
синим живёт вода, синее лечат болью.

И иней бывает синим, только тот, что на проводах,
синим дышит живое, синее спит во льдах.
На синие фишки ставят, в надежде не проиграть,
солнечного приказа ждёт васильковая рать.

От синего тонет море, синим страдает смерть,
в каждой Пегаса строчке – синяя круговерть.
В синей тревожной дымке светятся города,
на крыши падает с неба синих дождей слюда.

Мы ничего не знаем про синие голоса,
что где-то есть синие горы и карликовые леса.
Синее занимает даже призрачные места,
подвластно оно лишь взору радужного Христа.

* * *

Стены холодного цвета,
медленный фон дорог.
Изморозь нового света,
дом до трубы продрог.
Грустные лают собаки,
ломкое бьёт бельё.
Снега глубокие знаки,
скользких столбов цевьё.

Всё ли зимою в белом?
Белая ли зима?

Стынет покорным телом
смёрзшаяся страна.
Белее зимой горячка,
зависть зимой белей,
с белым лицом морячка
весточки ждёт с морей,

белые спят невесты,
белая вдоль тюрьма,
белому мало места,
в белом сойдёшь с ума,
белые стёрты пятна,
белый искрит мороз...
Кто-то ступает смелый
в белом венце из роз...

Чистые ждут берёзы.
Частые жгут огни.
Белые электровозы
тянут вагонов дни.
Выгнуты белым реки,
снега сечёт крупа.
По-чёрному не устали
белую пить пока.

Крестные вереницы
в белую врыты твердь.
Будет опять глумиться
белая с виду смерть.
Белых берёз халаты,
белых лесов холмы...
В белом лежат солдаты,
которых убили мы.

ОНА УШЛА

Она ушла...
Сказала, что устала,
что удивляться жизни перестала,
и что любовь истлела между нами,
и что она теперь уходит к маме,
и хорошо, что мне не родила,
иначе поувязла бы в делах, —
и что я дал бы нашему ребёнку,
когда сровнял всех под одну гребёнку?..
Бледнела и, срываясь, повторяла,
что самой-самой для меня не стала,
что женщиной не чувствует со мною,
венчаться зря ходила к аналою
и что я загубил её года —
лжецом и эгоистом был всегда, —
что никогда её не понимал,
что ревностью тягучей донимал,
и ничего вокруг не замечал,
и на неё беспочвенно кричал,
и кем-то был ещё, и с кем-то был опять,
и что из-за меня слегла с болезнью мать,
и что не знает, что во мне нашла,
что стороною жизнь её прошла...
— Прощай...

Будь счастлив...

Я ушла...

Ушла...
И погасила свет на кухне, где года
из безнадежно сломанного крана,
как из надтреснутого донышка стакана,
сочилась бесконечная вода...
Ушла...
И ключ оставила на полке,
где до сих пор лежат её заколки
и воткнутые в бархатку иголки,
вечерний крем, засохший навсегда...

Она ушла...
И оборвались двери,
и все надежды разом устарели,
и небо надо мною опустело,
и на душе моей повисло тело,
и как-то всё поникло, почернело,
и силуэт мой очертили мелом,
и в окнах тусклых задохнулся свет,
и стал мне саваном диванный плед...

Она ушла...
И всё меня забыло,
яичница в сковороде остыла...
А за окном всё тот же двор унылый,

унылый долгий серый дождь постылый,
унылые качели и собаки,
унылые песочницы и баки,
унылый свет расплющенной луны,
унылые отвесности стены...

Она ушла...
И всё ушло за нею,
ушли под землю горы Пиренеи,
ушли морские рыбы на глубины,
исчезла целостность без середины,
погасли свечи, маяки, софиты,
остановились войны: все убиты...

Она ушла...
И замолчали птицы,
застыли ветры и погасли лица...
Исчезло всё — машины и столицы,
исчезли ландыши, фиалки, медуницы,
слова пропали, буквы со страницы,
солёные моря окаменели,
солдаты без атаки онемели,
пропал мой пульс, и потерялось имя,
исчезло всё живущее поныне,
исчезли языки, бумага, береста,
исчез Создатель с тёмного креста...
Зато проснулась боль — соперница огня —
и кто-то исполняющий меня...
Проснулся дьявол, что следил за мною,
проснулась смерть слепая за спиной,
с блестящею косою полосой...

Она ушла,
надев в купе прихожей
со стёршейся набойкой сапоги.
Она ушла,
оставив приговором
в луче дороги быстрые шаги...

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Жили вместе дед да баба,
жили долгосрочно:
если и не шестьдесят —
пятьдесят лет точно.

На окраине изба,
прямо возле леса, —
пусть далече, но приносят
пенсии с собеса.

Только что на них купить
в сельском магазине?
Стали деньги собирать
внучке Катерине.

Нонче дед, считай, не ходит,
разве что до ветра.
До сих пор осколок в нём
на полсантиметра.

Всю войну почти Ефим
рядовым протопал,
получил медаль «Отваги» –
город брал Тернополь.

Стал механиком работать,
в бригадиры вышел.
Не было таких в районе,
кто б о нём не слышал.

С Машей познакомился –
озорной девчонкой.
Родила она ему
славного мальчонку.

Дом им строили деревней,
где живут поныне.
Как они заботились
об Иване-сыне!

Молодой была жена –
ох же и красива!
Вся одежа шла к лицу,
что бы ни носила.

Как-то быстро Ваня вырос,
выучился в школе.
Загадал уехать в город –
получать поболе.

После армии остался
на воензаводе.
Фотографию прислал
в пиджаке по моде.

С Машей дочь ещё смогли –
не спасли при родах.
Посадили в честь её
вербу в огороде.

Жили для себя потом
скучными годами.
Мебель в городе купили,
в ней бельё – рядами.

Живности поразвели,
как у всех в деревне.
А Марии дали орден
за труды на ферме.

А как дочка родилась
в Минске у Ивана,
было лишь одно письмо:
«Всё в порядке, мама.

К Рождеству посылку вам
с финиками выслал.
Да, теперь я как артист,
в некотором смысле».

Как-то раз приехал он
с дочкой без супруги.
Справили веселие
в зависть всей округе.

А потом Иван пропал –
не ясна причина.
От других уже узнали:
посадили сына.

Не успели отойти –
в сельсовет звонили:
Ваню их единственного
в камере убили...

С горя мать осунулась,
быстро постарела,
стала памятью страдать,
умереть хотела.

«Жить-то для кого теперь,
раз ребёнка нету?
Будет душенька моя
мыкаться по свету...

Ну а дом теперь кому
после нас оставить?
Отдавать его чужим –
не могу представить...

Как сын оправдается
перед небесами?
Видно, перед Господом
провинились сами...»

Стали жить надеждою,
что приедет внучка.
Платье Кате прикупили,
джинсовые брючки.

Ждали, чтоб переписать
ей и дом, и баню...
Как на фотографии
схожа внучка с Ваней!..

Появилась Катерина
осенью червлёной –
привезло её такси
с огоньком зелёным.

Городская на селе –
главное событие, –
ставили на стол что есть,
праздновать прибытие.

С внучкою вернулось в дом
счастье земное –
Марья даже позабыла,
сердце что больное.

Говорили о хорошем,
карточки смотрели,
песни с удовольствием
русские попели...

Утром старики проснулись –
нету Катерины.

Нет ни денег, ни серёжек –
прятали в перине.

Ну а главное – она
забрала из дому
в позолоченном окладе
древнюю икону.

Как же так?! Помилуй, Боже!
Что же людям нужно?..
В тот же день слегла Мария,
кашляла натужно.

Ночью дед её не слышал,
сколько ни звала.
Потерявши Бога, Марья
в полночь померла...

Жили-были дед да баба...
Дед уже не ходит.
Пенсию собес приносит,
и сосед заходит...